

АНТРОПОНИМЫ В ПОЭЗИИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА — ОТ ИДЕНТИФИЦИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ ДО ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКОЙ

Ключевые слова: антропоним, художественно-стилистическая функция, Павел Васильев, поэтоним, идиостиль

1. ВВЕДЕНИЕ

Изучение ономастической системы художественного произведения способствует более глубокому пониманию идиостиля писателя, осознанию скрытых смыслов текста, формирует у читателей отношение к тому или иному персонажу (Скуридина, 2007, с. 3). Ономастикон писателя является вторичной системой, которая складывается под влиянием объективных факторов функционирования имен собственных в общенародном языке. Исследователи говорят о том, что литературная ономастика сформировала свой инструментарий на основе анализа прозаических текстов, который вряд ли применим к поэзии. Далее они указывают на то, что в онимических интерпретациях поэзии существовала методологическая свобода, которая была прежде всего результатом отсутствия фиксированной исследовательской парадигмы, адаптированной к специфике поэзии (M. Graf, P. Graf, 2018, с. 15). Таким образом, методология исследования ономастикона поэзии формируется до сих пор в рамках поэтической ономастики — раздела литературной ономастики (Зинин, 1970; Супрун, 2000; Фоякова, 2003; Скуридина, 2007; Карпенко, 2008 и др.). Она определяется как „раздел ономастики, изучающий любые имена собственные (поэтонимы) в художественных литературных произведениях: принципы их создания, стиль, функционирование в тексте, восприятие читателем, а также мировоззрение и эстетические установки автора” (Подольская, 1988, с. 108). Частью поэтической ономастики является поэтическая антропонимика.

С.И. Зинин предложил для обозначения имени собственного, функционирующего в поэтических текстах, термин „поэтоним” (Зинин, 1970). „Поэтическое имя (поэтоним) — имя в художественной литературе, имеющее в языке произведения, кроме номинативной, характеризующую, стилистическую и идеологическую функции. Как правило, относится к категории вымышленных имен, но часто писателем используются реально существующие имена или комбинация тех и других” (Подольская, 1988, с. 152). Имена собственные являются „особым типом словесных знаков, предназначенным для выделения и идентификации единичных объектов” (Фонякова, 2003, с. 3). Функционируя в художественном произведении, они представляются концептуально и эстетически значимыми элементами идиостиля писателя и выполняют, помимо идентификации, художественно-стилистическую функцию. Поэтонимы осмысляются как явления уровня речи, а не языка. Ономастикону в художественных текстах различных писателей и поэтов посвящены работы Ю.Т. Листровой-Правды (1995), С.А. Супруна (2000), О.И. Фоняковой (2003), В.И. Скуридиной (2007), Ю.О. Карпенко (1986; 2008), А. Пайдзиньской (Pajdzińska, 2010), Б. Чопек-Копцюх (Czoprek-Kopciuch, 2010), М. Бёлик (Biolik, 2021) и др. Проблема функционирования антропонимов в идиостиле отдельных писателей рассматривается в трудах А.Г. Силаевой (1979), Л.И. Зубковой (2008), А.А. Сивцовой (2008) и др. Специальные работы, посвященные функционированию антропонимов в идиостиле советского русского поэта Павла Николаевича Васильева (1910–1937)¹, в лингвистике отсутствуют.

Целью нашей статьи является изучение антропонимикона Павла Васильева как значимого компонента поэтической картины мира, установление художественно-стилистических функций онима в идиостиле автора. Материалом для исследования послужили антропонимы, отобранные из поэтических текстов Васильева, в количестве 203 единиц. Анализ структуры онимов показал, что у Васильева они представлены одночленной моделью — только имя, или только фамилия, или только отчество (патроним); двучленной моделью [имя + фамилия], [имя + отчество] и трехчленной моделью антропонима [имя + отчество + фамилия]. Соотношение структурных моделей антропонимов представлено в таблице 1.

¹ Павел Васильев родился в 1910 году в г. Зайсан, детство и юность провел в г. Павлодар на территории нынешнего Казахстана. Был обвинен НКВД СССР в „сибирском” заговоре с целью убийства Сталина и расстрелян в 1937 году. Реабилитирован в 1956 году Верховным Судом СССР.

Таблица 1. Структурные модели антропонимов в процентах

Одночленная модель			Двучленная модель		Трехчленная модель
[имя]	[отчество]	[фамилия]	[имя + фамилия]	[имя + отчество]	[имя + отчество + фамилия]
53	5	75	45	19	6
26,1%	2,46%	36,94%	22,2%	9,35%	2,95%

В соответствии с разработанной нами типологией антропонимы разделяются на 4 типа с учетом соотношения онима с объективной действительностью и субъективной позицией автора, определяющего функции онима в поэтическом тексте: от собственно идентифицирующей функции до художественно-стилистической, характеризующей, которая зависит от авторской позиции. Далее выявляются особенности функционирования каждого типа антропонима в лирике Васильева, обсуждается проблема квалификации их как поэтонимов.

2. ТИПОЛОГИЯ АНТРОПОНИМОВ В ПОЭТИЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Относительно семантики онимов в художественных произведениях мы придерживаемся мнения Л.В. Фоянковой, которая пишет, что, „входя в художественный текст семантически недостаточным, имя выходит из него семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс ассоциативных значений. Их можно считать локальной семантической структурой, закрепляющейся за данным именем в данном контексте — индивидуально-художественным значением имени собственного” (Фоянкова, 1990, с. 28). Существует и другая, противоположная точка зрения на функционирование онимов в художественных произведениях. Так, А.А. Силаева говорит о том, что „вся стилистика имен в художественном произведении обычно строится на основе стилистики реально существующих имен, а не вопреки ей” (Силаева, 1979, с. 7). Тем самым она практически отрицает роль автора в создании и использовании онимов в художественных текстах.

Соглашаясь с тезисом о вторичности литературного ономастикона по отношению к национальному, мы не можем не признавать творческую преобразующую роль автора в употреблении и осмыслении онимов. Важно отметить, что степень художественно-эстетического преобразования онимов

может быть различной в зависимости от авторского замысла: от незначительной степени до значительной. Релевантными категориями в процессе создания поэтонимов выступает реальная действительность, сам оним и автор, особенно важно учитывать соотношение между ними: референциальная соотнесенность онима с реальным прототипом и авторское воздействие на оним.

Таким образом, в основу предлагаемой нами типологии поэтонимов положено соотношение между реальностью, именем и личностью автора, возникающее при создании художественного текста:

реальность → оним ← автор

В зависимости от характера референта антропонима, отраженного в его семантике, мы предлагаем разделить их на несколько типов. Под характером референта онима мы подразумеваем онтологическую отнесенность языковой формы к реально существующим объектам, явлениям в художественном контексте.

К антропонимам 1-го типа мы относим группу онимов, которые выполняют идентифицирующую функцию, свойственную природе имен собственных: их референтом выступает конкретное, реально существующее лицо из ближайшей сферы автора — родные, друзья, приятели, коллеги, знакомые. Связь между референтом и именем носит актуальный синхронный характер, т.е. прототип и автор существует в одних и тех же хронологических рамках. В этой группе наиболее силен денотативно-референциальный компонент семантики антропонима, выполняющий идентифицирующую функцию. Тем не менее, по мнению А.А. Сивцовой, имена собственные, имеющие реальных прототипов героев — родственников, друзей и знакомых автора, способствуют типизации персонажей (Сивцова, 2008). Иными словами, они, выполняя в тексте обобщающую, типизирующую функцию, обогащаются индивидуально-авторским значением. Соотношение основных компонентов в функционировании антропонима 1-го типа выглядит примерно так:

реальный прототип → оним ← автор

Отдельную группу составляют антропонимы 2-го типа, в которых прототипом также выступают реальные люди: исторические деятели, писатели, деятели искусства. Референциальная связь имени и прототипа для автора неактуальна в хронологическом плане, между автором и прототипом лежат десятки лет или даже столетия, тысячелетия. Они имеют значение для автора только в том случае, если входят в сферу его личностных интересов, касающихся мировоззрения, общей культуры, предпочтений в искусстве и т.д.

В онимах этого типа, соответственно, индивидуально-авторский компонент значения является более значимым, по сравнению с антропонимами 1-го типа.

В антропонимах 3-го типа прототипом имени являются вымышленные люди: литературные или фольклорные персонажи, которые также разделены с автором хронологически, т.е. находятся в неактуальном для него времени. Взаимоотношения в триаде „реальность” → „оним” ← „автор” нарушаются, так как референт имени не существует в реальности, а бытует в сконструированном другим автором вымышленном мире. Таким образом, в цепочке взаимодействия структурных компонентов „реальность” уточняется как „вымышленная реальность”, которая является вторичной моделью реальной действительности, созданной автором-1. Соответственно, усиливается субъективно-оценочный фактор в использовании онима, когда он зависит от создавшего его автора-1 и от автора-2, использующего его уже даже не вторично, а „третично”.

Антропонимы 2-го и 3-го типа представляют собой наиболее типичные случаи поэтонимов, подвергаясь различным семантическим преобразованиям в художественном контексте, т.е. приобретая значительный индивидуально-авторский компонент смысла в содержательной структуре поэтонима. Этому способствует, с одной стороны, повышенная субъективно-авторская зависимость онима от автора-1 и автора-2, о чем мы говорили выше, и хронологическая разделенность с автором-2, дающая ему больше свободы в интерпретации онима.

Наиболее многочисленными в антропомиконе Васильева являются имена персонажей. В основе выбора онимов 4-го типа лежат сугубо авторские интенции, обусловленные его художественно-творческими задачами. Онимы также имеют вымышленный прототип, который существует только в собственно авторской картине мира. Оба элемента процесса онимизации являются плодом авторского замысла, при реализации которого конструируется художественное пространство текста, его композиция, сюжет, персонажи, выбираются имена для них.

О.Г. Ревзина, исследуя функционирование онимов в поэзии Марины Цветаевой, пишет о механизме формирования семантики онима в поэтическом тексте: „Имя собственное в первичной функции развивает два типа дополнительных значений: ассоциативное [...] и символическое [...]. Эти значения, что подтверждают примеры, собственное имя может приобретать в тех же позициях, в которых оно выступает как чистое средство идентификации (кроме позиции обращения). И в том, и в другом случае преодолевается семантическая «пустота» собственного имени: из знака-метки оно превращается в семантически насыщенный знак, значение которого, особенно ассоциативное, никогда не определено полностью, оно обращено к читателю, к его собственным возможностям толкования” (Ревзина, 1991, с. 178).

2.1. Антропонимы 1-го типа с референтом — родными, друзьями, знакомыми автора

В эту группу входят имена, отчества и фамилии людей, прототипами которых выступают родственники: *Корнила Ильич* — дедушка поэта, *Варвара Федоровна* — бабушка по материнской линии, *Елена Вялова* — вторая жена поэта, *Глафира Матвеевна* — мать поэта; одноклассники: *Евгения Стэнман*, *Серафим Дагаев*, *Верочка Иванова*; друзья и знакомые по „поэтическому цеху”: *Демьян Бедный*, *Клычков*, *Есенин*, *Василий Наседкин*, *Екатерина* — сестра С. Есенина и жена В. Наседкина; люди, с которыми поэт общался и был близок: *Наталья Петровна Кончаловская*, *Нина Голицына*. Они составляют 35 имен, т.е. 17,24%.

Многие антропонимы занимают конструктивно и семиотически важную позицию в художественном произведении — позицию заглавия. В этой позиции сконцентрированы смысловые связи антропонима с темой, идеей, художественным замыслом и оценкой автора. С точки зрения семиотики антропоним в заглавной позиции представляется сверхзнаком, содержание которого обуславливается в том числе и жанровыми характеристиками лирического произведения (Темиргазина, Ибраева, 2021, с. 298). В лирике Васильева часто встречается жанр посвящения. В заголовках посвящений употребляется антропоним, выраженный именем существительным дательного падежа с грамматической семантикой адресата: „Демьяну Бедному”, „Рюрику Ивневу”, „Евгении Стэнман”, „Егорушке Клычкову”, „Дорогому Николаю Ивановичу Анову”. Они могут обозначаться сокращенно, с помощью инициалов: „Посвящение Н.Г.”, где инициалы подразумевают актрису Нину Голицыну — близкую знакомую поэта.

Антропонимы в качестве адресата функционируют и в заглавии жанра послания, встречающегося у Васильева гораздо реже, чем посвящение, например: „Послание к Наталии”, обращенное к Наталье Петровне Кончаловской, ей же посвящено стихотворение „Стихи о Наталье”². Имена собственные употребляются в подзаголовочных посвящениях, например, стихотворение „Верблюд” (1931) имеет посвящение *Виктору Уфимцеву*.

Имена деда, бабушки, матери функционируют в произведениях „Рассказ о дедке”, „Свадьба”, в поэме „Автобиографические главы”, „Глафира”, посвященных воспоминаниям поэта о детстве и юности в Павлодаре:

² С этим произведением связан инцидент из биографии Васильева, сыгравший трагическую роль в судьбе поэта. Речь идет о драке Васильева, спровоцированной поэтом Джеком Алтаузенем. „Суть же дела заключалась в том, что Васильев достойно ответил на оскорбление, которое Алтаузен цинично и расчетливо нанес в присутствии своих единомышленников Наталье Кончаловской, — стихи, посвященные ей Васильевым, знала наизусть вся Москва” (Куняев, 2002, с. 14).

Корнила Ильич, ты мне сказки баял,
Служилый да ладный — вон ты каков!

(„Рассказ о деде”, 1929)

И косы именинницы белы.
И славил я порукой кабалы
Варвары Федоровны волосы седые!

(„Автобиографические главы”, 1934)

Они приобретают в контексте положительную эмоционально-оценочную коннотацию, передающую любовь, гордость, восхищение поэта. Об этом свидетельствуют синтагматические связи антропонимов: *служилый да ладный*; *славил Варвары Федоровны волосы седые*. Нежной грустью пронизаны строки о покойной матери:

Пускай прижмется теплою щекой
К моим рукам твое воспоминанье,
Забытая и узнанная мать...

(„Глафира”, 1930)

В произведениях Васильева функционируют антропонимы, прототипами которых являются представители окружающего его мира, например, павлодарские купцы, известные всему городу:

И до сих пор стоят еще, крепки,
Лабазы: *Ганин*, *Оситов*, *Потанин*,
И прочие фамилии купцов...

(„Свадьба”, 1933)

Обратим внимание на то, что поэт в этом отрывке использует прием метаязыкового описания онимов фамилии купцов, конкретно определяя ономастический статус антропонимов.

В поэтическом контексте произведения эти антропонимы приобретают дополнительные смысловые приращения: они выступают знаком прошлой, старой жизни, которая противопоставлена новой — большевистской — реальности. Подобный семиозис названных антропонимов обусловлен идеологическими установками поэта, его стремлением найти свое место в новой стране, а для этого нужно отказаться от прошлой, старой жизни, знаками которой выступают фамилии зажиточных павлодарских купцов. Таким

образом, эти поэтонимы, помимо сугубо идентифицирующей функции, связанной с референтностью имени, выполняют символическую роль в создании авторской поэтической картины мира.

Стихотворение „Евгении Стэнман” посвящается девушке-однокласснице, с которой Васильев учился в школе города Павлодара:

Осыпаются листья, *Евгения Стэнман*. Над ними
То же старое небо и тот же полёт облаков.
Так прости, что я вспомнил твоё позабытое имя
И проснулся от стука весёлых твоих каблучков.

Имя Евгении Стэнман ассоциируется у поэта с прекрасными мгновениями детства и юношества, с летним небом над родным городом и полетом облаков, с веселым стуком девичьих каблучков. Жизнь в большом чужом городе заставила его ценить эти трогательные воспоминания и бережно хранить их в глубине души. Антропоним в данном поэтическом контексте представляется символом ностальгии по прошлой счастливой юности, по первой юношеской влюбленности.

2.2. Антропонимы 2-го типа с референтом — историческими деятелями, писателями, деятелями культуры

В произведениях Васильева упоминаются реальные исторические лица — писатели, исторические деятели и т.д. (43 имени, 21,8% от общего числа антропонимов), их номинации выполняют определенные художественно-стилистические функции, несут заданную автором смысловую нагрузку. Прежде всего они создают в произведении историко-культурный фон и национальный колорит, участвуют, конечно же, и в передаче авторских мировоззренческих и эстетико-литературных позиций. Именно антропонимы 2-го типа часто выполняют интертекстуальную функцию, выступая в качестве прецедентных имен, вызывающих у читателей определенные ассоциативные реакции.

Так, значительную часть васильевского антропонимикона составляют имена поэтов и писателей, русских и зарубежных: Александра (Пушкина), Некрасова, Лермонтова, Толстого, Данта, Петрарки, Майн Рида, Брета Гарта. В стихотворении „Дорога” лирический герой рассуждает о скитаниях русских поэтов, их размышлениях в дороге:

И *Александр* в метелях сих плутал —
О, бубны троек и копыт провал!
(Ночь пролетит, подковами мерца,
В пустынный гул) — и *Лермонтов* их гнал

Так что мешались звезды с бубенцами.
 Охотницкою ветряною ранью
Некрасова мотал здесь тарантас.

(„Дорога”, 1933)

Л.Н. Буштян, изучая функционирование онимов в русской и советской поэзии, ввела понятие „ономастическая коннотация”, которое определила как „комплексное социально-лингвистическое явление, имеющее как экстралингвистическую, так и интралингвистическую природу, включающее в себя экспрессивность, эмоциональность и дополнительную информативность языкового знака, проявляющееся как имплицитно сопутствующая информация, кодируемая и декодируемая в зависимости от психического, возрастного, образовательного и социального уровня носителя языка, а также от принадлежности к той или иной национальной культуре” (Буштян, 1983, с. 57). Иными словами, в значение онимов включаются, кроме языкового элемента, социокультурные, исторические, этнографические элементы общечеловеческого, страноведческого и регионального уровней.

Имена поэтов, употребляясь в идентифицирующей функции, одновременно вызывают у читателей аллюзии — ассоциации с целым пластом фоновых знаний читателей об обстоятельствах жизни поэтов (например, любовь Некрасова к охоте), об их произведениях (повести „Метель”, „Капитанская дочка” Пушкина), тем самым создавая хронологические связи с прошлым, расширяя и углубляя хронотоп и информационное пространство произведения. Использование имен *героев наших* Пушкина, Лермонтова, Некрасова создает в контексте стихотворения ономастическую коннотацию образа русского поэта как скитальца, проводившего много времени в кибитках, тарантасах с бубенцами:

Но сколько их влачилось здесь в пыли —
 Героев наших, как они скитались,
 Как жизни их, как мысли их текли,
 Какие сны им по пути встречались!..

(„Дорога”, 1933)

К именам Данта и Петрарки Васильев обращается как к всемирно известным авторитетам, писавшим в жанре сонета:

Суровый *Дант* не презирал сонета,
 В нем жар любви *Петрарка* изливал...

(„Сонет”, 1929)

Он ощущает живую связь своей поэзии с их творчеством и называет автора „Божественной комедии” суровым, но тем не менее не чуждым лирическому жанру сонета, который был свойствен любовной лирике Петрарки. Таким образом, в контексте произведения антропонимы приобретают ономастическую коннотацию „близкие по духу лирические поэты — мастера сонетов”.

В стихотворении „Переселенцы” (1931) поэт воспевает „древнюю человечью любовь к соседней звезде”. Он уверен, что люди достигнут ее:

Да, мы до нее достигнем, мы крепче вас и сильней,
И пусть нам старый *Бетховен* сыграет бурю на ней!

Антропоним *Бетховен* предстает символом борьбы, бури, извечного движения человечества вперед к соседней звезде. О.Г. Ревзина, исследуя онимы в идиолекте Марины Цветаевой, говорит об условии возникновения у них символического значения: „Символическое значение возникает, когда субъект предложения и референт имени собственного относятся к разным хронотопам” (Ревзина, 1991, с. 178). Поэт создает метафору космического масштаба — „Бетховен, играющий бурю на соседней звезде”. В ономастическую коннотацию онима входит и аллюзия, отсылающая к бурной, мятежной музыке композитора: „Уверенность в неисчерпаемых возможностях человека корреспондирует к музыке Бетховена («старый Бетховен»), которая включается в образный ряд природной стихии («сыграет бурю на ней»)» (Косяков, 2017, с. 58–59).

Антропонимы *Вертинский* и *Некрасов* также используются в художественно-стилистической функции — как аллюзивно-прецедентные имена, в которых аккумулирован свернутый диахронический национально-культурный текст. От фоновых знаний, стоящих за этими прецедентными онимами, зависит формирование смысла текста и, несомненно, понимание содержания (Теміргазина и др., 2019, с. 148–149). В контексте рассматриваемого художественного текста эти имена представляют собой семиотическую оппозицию. *Вертинский* выступает знаком-символом чуждой идеологической культуры, далекой от народа; *Некрасов* — символ народной русской культуры:

Нам пока *Вертинский*³ ваш не страшен —
Чертова рогулька, волчья съть.
Мы еще *Некрасова* знавали,

³ Александр Николаевич Вертинский — русский и советский эстрадный артист, киноактёр, композитор, поэт и певец, кумир эстрады первой половины XX века. До 1943 года находился в эмиграции.

Мы еще „Калинушку”⁴ певали

(„Стихи в честь Натальи”, 1932)

Аллюзивно-прецедентные имена становятся в рассматриваемом поэтическом тексте смысловой доминантой, которая „возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переструктурирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство” (Новиков, 2007, с. 55). Функционирование прецедентных имен исторических деятелей, поэтов и писателей, несомненно, является отражением авторских предпочтений в российской истории, отражением литературных вкусов. Так, антропоним *Некрасов* встречается в произведениях Павла Васильева 3 раза, *Пушкин* — 2 раза, что говорит о том, что поэт хорошо знает и любит творчество этих русских поэтов.

Васильев усложняет семантический план антропонима *Тамерлан*⁵, включая в него аллюзию (*гром хромал*) и метафору [ГРОМ В СТЕПИ — ЭТО ТАМЕРЛАН], актуализируя таким образом семантику доминирования в степи этого природного явления, утраченного им, в конечном итоге создается полифония и многогранность степного пейзажа (Темиргазина, Жакупова, 2021, с. 143):

За версту, не более,

От Атбасара

Гром хромал — степей *Тамерлан*

(„Соляной бунт”, 1932–1933)

2.3. Антропонимы 3-го типа с референтом — литературными и фольклорными персонажами

В поэтическом антропонимиконе Васильева функционируют имена литературных и фольклорных персонажей, которые входят в диахронный, но тем не менее активный слой памяти поэта, их немного — 7 имен, т.е. 3,45%. Но несмотря на малочисленность, они выступают смыслообразующими элементами текста, устанавливая связи с другими текстами и явлениями мировой и национальной культуры, тем самым хронологически и пространственно расширяя культурный континуум поэзии Васильева. Они выступают как

⁴ Русская народная песня.

⁵ Тамерлан (1336–1405), Тимур, Тимурленг — среднеазиатский правитель и полководец, один из величайших завоевателей в истории человечества. Он был хромым, поэтому его часто называли Хромой Тамерлан.

индексальные знаки, их смысловой потенциал в поэтическом тексте определяется степенью их „узнаваемости” в той или иной культуре. Например, образ Беатриче, прекрасной возлюбленной итальянского поэта Данте:

Заткнув за пояс все цветы лугов,
Огромная проходит *Беатриче*.
Она рождалась под несметный топ
Несметных конниц,
Под дымком шрапнели

(„Демьяну Бедному”, 1936)

Если Беатриче вдохновляла Данте, была его музой, то у Васильева Беатриче изображена музой революции, рожденной „под несметный топ несметных конниц, под дымком шрапнели”. Беатриче служит революции, поэтому это не нежный, пленительный женский образ, а воинственная амазонка. Для создания этого образа поэт использует гиперболу: „Беатриче огромная, за поясом у нее заткнут не букетик цветов, а все цветы лугов”. Таким образом, возлюбленная Данте становится в васильевской поэтической картине мира основой для создания нового гиперболизированного воинственного образа, подвергнутого идеологическому, художественно-эстетическому преобразованию (Temirgazina, Albekova, Kurmanova, 2021, с. 461–462). *Беатриче* является в этом случае аллюзивно-прецедентным именем, знаком, включающим интертекстуальные связи и новые дополнительные характеризующие смыслы, усложняющие семантическую структуру онима. См. также антропоним *Садко*⁶, который выполняет схожие функции:

Построй мне дом, чтоб окна запад пили,
Чтоб в нем играл
заморский гость *Садко*
На гусях мачт коммерческих флотилий!

(„К музе”, 1928)

Используя оним, его интертекстуальные связи и ассоциации, автор создает сложный метафорический макрообраз, расширяющий понятие „дом” до понятия „страна” с обширными морскими просторами — окнами. В основе

⁶ Герой русских былин новгородского цикла, игравший на гусях, совершивший заморские путешествия.

создания метафорического макрообраза также лежит аллюзия: отсылка к цитате „в Европу прорубить окно” из поэмы А.С. Пушкина „Медный всадник”. Антропонимы-метафоры возникают в результате переплетения изначальной архетипической символики имени и появляющихся в контексте коннотаций и аллюзий-ассоциаций.

2.4. Антропонимы 4-го типа с референтом — вымышленными персонажами

Самую большую группу антропонимов составляют имена персонажей произведений Васильева — 118, т.е. 58,13%. Антропонимы занимают различные позиции в тексте: заголовок, посвящение, сюжетно-событийная линия, обращение.

Для женских персонажей Васильев чаще всего выбирает имя *Анастасия*, оно в разных вариантах встречается 28 раз: *Анастасия*, *Анастасьюшка*, *Анастась*, *Настя*, *Настенька*. Употребление различных вариантов антропонимов позволяет автору выразить свое эмоционально-оценочное отношение к персонажу. Особенно значима синтаксическая позиция обращения:

Ты бы, *Анастасьюшка*, песню спела?

(„Соляной бунт”, 1932–1933);

Почему ты снишься, *Настя*,

В лентах, в серьгах, в кружевах?

(„Песня”, 1932)

Функция обращения для женских антропонимов типична в русской поэзии. Эта синтаксическая позиция способствует актуализации имени и выражению индивидуально-авторского отношения к называемому персонажу. Васильев использует индивидуально-авторский прием нанизывания обращений с разной эмоционально-оценочной коннотацией для передачи душевного смятения лирического героя:

Настя, *Настенька*, *Анастасия*,

Почему душа твоя темна?

(„Анастасия”, 1933)

Не представляется возможным с помощью достоверных биографических фактов объяснить расположенность Павла Васильева к женскому имени

*Анастасия*⁷. Возможно, оно ему просто нравилось. Это имя употребляется для номинации разных персонажей: деревенской девушки, пришедшей к колдуну; возлюбленной лирического героя; соседки главного героя; невесты и т.д. — в 7 произведениях Васильева: поэмах „Соляной бунт”, „Христоробовские ситцы”, стихотворениях „Дорога”, „Женихи”, „Песня”, „Анастасия” и др. Имя *Настя* употребляется в сочетании с разными фамилиями: *Настя Стегунова* („Женихи”), *Настя Босая* („Соляной бунт”).

В антропонимикон входят женские имена персонажей: *Елена Горевая* („Христоробовские ситцы”), *Ксения Павловна* („Одна ночь”), *Ирина Горлицына* („Синицын и К”) и др.; мужские имена: *Евстигней Алексеич* („Одна ночь”), *Григорий Босой* („Соляной бунт”), *Артемий Федулыч Синицын*, *Федул Синицын*, *Ренн*, *Кобылочкин* („Синицын и К”) и др. Имена персонажей имеют прагматико-стилистические варианты, различающиеся в том числе структурно (одночленные, двучленные, трехчленные): *Евстигней Алексеич* — *Евстигнеша* („Одна ночь”); *Ирина Голицына* — *Ирина* — *Ирен* („Синицын и К”); *Арсений Деров* — *Арсений Иванович* — *Арсений Иваныч* — *Иваныч* — *Арсенька* („Соляной бунт”); *Егорушка* — *Егорка* — *Егор Сергеич* („Егорушке Клычкову”).

В информативно и семиотически значимой позиции заголовка используются имена главных героев произведения, например, „Анастасия”, „Принц Фома”, „Я, Мухан Башметов, выпиваю чашку кумыса...”, „Песня о Серке”, „Товарищ Джурабай”.

В рассматриваемой группе антропонимов 4-го типа автор использует не только русские, но и казахские антропонимы: *Серке*, *Амре Айтаков*, *Джурабай*, *Амилъжан Хаджибергенев*, *Мухан Башметов*. Это не удивительно, так как поэт вырос в казахско-русском пограничье и был хорошо знаком с казахским языком и казахской культурой. *Амре Айтаков*, *Джурабай*, *Амилъжан Хаджибергенев* — персонажи стихотворений и поэм Васильева. *Серке* — имя юноши, главного героя произведения, в котором излагается казахская народная легенда. Если использование названных выше казахских антропонимов обусловлено жанром, тематикой произведений, то у антропонима *Мухан Башметов* история более сложная. Это имя поэт брал как псевдоним, когда в 1933 году ему запретили публиковать стихи. Так появился цикл „Стихи Мухана Башметова”. Кроме функции псевдонима, в некоторых произведениях Мухан выступает самостоятельным персонажем, например, в стихотворении „Расставанье” (1934): *Мухан, Мухан, что сделалось с тобой!*

⁷ Исследователь биографии и творчества Васильева, директор музея Павла Васильева в городе Павлодар З.С. Мерц в личной беседе с автором предположила, что, возможно, прообразом женских персонажей с именем *Анастасия* стала первая любовь поэта.

Интересно также отметить, что у одного из отрицательных персонажей поэмы „Соляной бунт” (1932–1933) станичного атамана имя и отчество совпадают с именем и отчеством деда Павла Васильева — *Корнилой Ильичом Васильевым: Тут Корнила Ильич Ярков, Атаман станичный*.

В антропонимах 4-го типа доминирует собственно идентифицирующая функция: они обозначают референт — вымышленный персонаж. В некоторых синтаксических позициях, например, в роли обращения антропоним может приобретать эмоционально-оценочные коннотации, в роли заглавия происходит акцентирование онима и „сгущение” смыслов вокруг него.

3. АНТРОПОНИМИКОН П. ВАСИЛЬЕВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СООТНОШЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ И СТИЛИЗАЦИИ

Соотношение перечисленных выше 4-х типов антропонимов в поэзии Васильева представлено в следующей таблице:

Таблица 2. Антропонимы в произведениях Васильева

	Типы антропонимов	Количество	Проценты
1	Антропонимы 1-го типа с прототипом — родственниками, друзьями, знакомыми	35	17,24%
2	Антропонимы 2-го типа с прототипом — историческими деятелями, писателями, деятелями искусства	43	21,18%
3	Антропонимы 3-го типа с прототипом — литературными, фольклорными персонажами	7	3,45%
4	Антропонимы 4-го типа с прототипом — авторскими персонажами	118	58,13%
	Всего	203	100%

Как показывает анализ, в произведениях Васильева художественно-стилистическая функция в наибольшей степени свойственна антропонимам 2-го и 3-го типа. Они выступают как аллюзивно-прецедентные имена, ономастическая коннотация у которых возникает в результате ассоциации с определенным культурным текстом и символической интерпретации онима. Эти группы антропонимов с большим правом можно квалифицировать как поэтонимы, т.е. онимы, выполняющие в художественном тексте, помимо идентификации, стилистическую, характеризующую функцию. На наш взгляд, предрасположенность онимов 2-го и 3-го типов к характеристике связана с диахронической отдаленностью онима от автора, длительная

„жизнь” онама в культуре способствует его „обрастанию” различными смыслами.

В функционировании онимов 1-го и 4-го типов доминирует функция идентификации, художественно-стилистическая функция ограничивается в них чаще всего типизацией персонажа. Следовательно, онимы этих групп можно квалифицировать как поэтонимы при условии выполнения ими типизирующей функции. В антропонимиконе Васильева используются общеязыковые онимы; имена собственно авторского происхождения, т.е. „литературные имена”, которые представляют из себя вымышленные номинации, в его текстах не обнаружены.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семантика онимов в антропонимии Павла Васильева под воздействием поэтического текста становится динамичной, углубляется и индивидуализируется. Их функции в зависимости от соотношения с прототипом и автором расширяются от собственно идентифицирующей до стилистическо-характеризующей, приобретая статус поэтонима. Поэтонимы дифференцируются в зависимости от объема индивидуально-авторского коннотативного компонента в структуре значения: от максимального в онимах 2-го и 3-го типов (24,63% от общего числа антропонимов) до минимального в антропонимах 1-го и 4-го типов (75,37%). Художественно-эстетический потенциал поэтонимов позволяет углубить представления об идиостиле Васильева. Несомненно, что авторская концепция поэтического текста не может быть раскрыта читателям исключительно с помощью антропонимов. Общеизвестно, что в лирических текстах онимы менее частотны, чем в прозаических. Однако, как мы показали в проведенном исследовании, они играют существенную роль прежде всего в идентификации персонажей, в их характеристике, в выражении авторского отношения к действующим лицам и событиям, в создании образного фона, тем самым помогают в воплощении авторского замысла, в раскрытии идеи произведения.

Таким образом, можно говорить о специфическом „васильевском” антропонимиконе, в котором личные имена собственные, помимо идентификации, выполняют художественно-стилистические функции и участвуют в кодировании и декодировании авторских смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

- Буштян, Л.М. (1983). *Ономастическая коннотация: на материале русской и советской поэзии* [Дис. канд. филол. наук]. Одесса.
- Васильев, П.Н. (2002). *Сочинения. Письма*. Москва: Эллис Лак. http://rulibs.com/ru_zar/poetry/vasilev/4/j0.html
- Виноградов, В.В. (1954). Язык художественного произведения. *Вопросы Языкознания*, 5, 3–26.
- Зинин, С.И. (1970). *Введение в поэтическую ономастику*. Москва.
- Зубкова, Л.И. (2008). Культурогенный потенциал прецедентных имен и фамилий русской культуры (по произведениям „деревенской” прозы второй половины XX в.). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 1, 171–177.
- Карпенко, Ю.А. (1986). Специфика имени собственного в литературе. *Onomastica*, 31, 6–22.
- Карпенко, Ю.О. (2008). *Літературна ономастика*. Одеса: Астропринт.
- Косьяков, Г.В. (2017). Поэтика степного пейзажа в лирике П. Васильева. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*, 1, 56–62. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2017-1-56-62>
- Куняев, С.С. (2002). Ему дано восстать и победить. В: П. Васильев, *Сочинения. Письма* (с. 1–16). Москва: Эллис Лак. http://rulibs.com/ru_zar/poetry/vasilev/4/j0.html
- Листрова-Правда, Ю.Т. (1995). Личные собственные имена и национально-культурная семантика в творчестве И.А. Бунина. В: *И.А. Бунин и русская культура XIX–XX веков*. (с. 107–112). Воронеж: ВГУ.
- Новиков, А.И. (2007). *Текст и его смысловые доминанты*. Москва: Институт языкознания РАН.
- Подольская, Н.В. (1988). *Словарь ономастической терминологии* (2-е изд.). Москва: Наука.
- Ревзина, О.Г. (1991). Собственные имена в поэтическом диалекте М. Цветаевой. В: В.П. Григорьев (ред.), *Поэтика и стилистика. 1988–1990* (с. 172–192). Москва: Наука.
- Сивцова, А.А. (2008). *Имена собственные в лирике Н.И. Рыленкова* [Дис. канд. филол. наук]. Смоленский государственный университет.
- Силаева, Г.А. (1979). *Антропонимия романа Л.Н. Толстого „Война и мир”* [Автореферат дис. канд. наук]. Москва.
- Скуридина, С.А. (2007). *Поэтика имени у Ф.М. Достоевского*. Воронеж: Научная книга.
- Супрун, В.И. (2000). *Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал* [Автореферат. д-ра филол. наук]. Волгоград.
- Темиргазина, З.К., Жакупова, Г.К. (2021). Гармония и дисгармония: акустическая оппозиция в ранней лирике Александра Блока. *Вестник РУДН. Серия Теория языка. Семиотика. Семантика*, 12(1), 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>
- Темиргазина, З., Ибраева, Ж. (2021). Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева). *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 72, 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16>
- Фонякова, О.И. (1990). *Имя собственное в художественном тексте*. Ленинград: ЛГУ.
- Biolik, M. (2021). Polifunkcyjność nazwisk w utworze Walentego Barczewskiego „Kiermaszy na Warmii”. *Onomastica*, 65(2), 137–149. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.65.2.9>
- Czopek-Kopciuch, B. (2010). Funkcje nazw własnych w poezji Zbigniewa Herberta (na przykładzie tomiku „Pan Cogito”). В: R. Łobodzińska (red.), *Nazwy własne a społeczeństwo* (t. 2, s. 445–452). Łask: Leksem.
- Graf, M., Graf, P. (2018). Nazwa w butonierce — wokół onimii tekstu poetyckiego (na przykładzie poezji Brunona Jasieńskiego). *Onomastica*, 62, 15–31. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.62.1>
- Pajdzińska, A. (2010). Antroponimy w poezji Wisławy Szymborskiej. В: H. Pelcowa (red.), *W świecie nazw: Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Czesławowi Kosyłowi* (s. 301–312). Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.

- Temirgazina, Z., Akosheva, M., Yrysgul, S., Shaharman, A., Kurmanova, Z., Kairova, M. (2019). Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture, India*, 7(1), 143–153. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>
- Temirgazina, Z., Albekova, A., & Kurmanova, Z. (2021). One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh Language in Comparison with Russian and English. *Przełqd Wschodnioeuropejski*, 12(2), 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6892>

REFERENCES (TRANSLITERATION)

- Biolik, M. (2021). Polifunkcyjność nazwisk w utworze Walentego Barczewskiego „Kiermaszy na Warmii”. *Onomastica*, 65(2), 137–149. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.65.2.9>
- Buštân, L.M. (1983). *Onomastičeskaâ konnotaciâ: na materiale russkoj i sovetskogoj poëzii* [Dis. kand. filol. nauk]. Odessa.
- Czopek-Kopciuch, B. (2010). Funkcje nazw własnych w poezji Zbigniewa Herberta (na przykładzie tomiku „Pan Cogito”). In R. Łobodzińska (Ed.). *Nazwy własne a społeczeństwo* (Vol. 2, pp. 445–452). Łask: Leksem.
- Fonâkova, O.I. (1990). *Imâ sobstvennoe v hudožestvennom tekste*. Leningrad: LGU.
- Graf, M., & Graf, P. (2018). Nazwa w butonierce — wokół onimii tekstu poetyckiego (na przykładzie poezji Brunona Jasińskiego). *Onomastica*, 62, 15–31. <https://doi.org/10.17651/ONOMAST.62.1>
- Karpenko, Ū.A. (1986). Specyfika imeni sobstvennogo v literature. *Onomastica*, 31, 6–22.
- Karpenko, Ū.O. (2008). *Literaturna onomastika*. Odesa: Astroprint.
- Kosâkov, G.V. (2017). Poëtika stepnogo pejzaža v lirike P. Vasil’eva. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriâ: Russkaâ filologijâ*, 1, 56–62. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2017-1-56-62>
- Kunâev, S.C. (2002). Emu dano vosstat’ i pobedit’. In P. Vasil’ev, *Sočineniâ. Pis’ma* (pp. 1–16). Moskva: Èllis Lak. http://rulibs.com/ru_zar/poetry/vasilev/4/j0.html
- Listrova-Pravda, Ū.T. (1995). Ličnye sobstvennye imena i nacional’no-kul’turnaâ semantika v tvorčestve I.A. Bunina. In: I.A. Bunin i russkaâ kul’tura XIX–XX vekov (pp. 107–112). Voronež: VGU
- Novikov, A.I. (2007). *Tekst i ego smyslovyje dominanty*. Moskva: Institut ŗykoznanij RAN.
- Pajdzińska, A. (2010). Antroponimy w poezji Wisławy Szymborskiej. In H. Pelcowa (Ed.), *W świecie nazw. Księga jubileuszowa dedykowana Profesorowi Czesławowi Kosyłowi* (pp. 301–312). Lublin: Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej.
- Podol’skaâ, N.V. (1988). *Slovar’ onomastičeskoj terminologii* (2nd ed.). Moskva: Nauka.
- Revzina, O.G. (1991). Sobstvennye imena v poëticeskom idiolekte M. Cvetaevoj. In V.P. Grigor’ev (Ed.), *Poëtika i stilistika. 1988–1990* (pp. 172–192). Moskva: Nauka.
- Silaeva, G.A. (1979). Antroponimijâ romana L.N. Tolstogo „Vojna i mir” [Avtoreferat dis. kand. nauk]. Moskva.
- Sivcova, A.A. (2008). *Imena sobstvennye v lirike N.I. Rylenkova* [Dis. kand. filol. nauk]. Smolenskij gosudarstvennyj universitet.
- Skuridina, S.A. (2007). *Poëtika imeni u F.M. Dostoevskogo*. Voronež: Naučnaâ kniga.
- Suprun, V.I. (2000). *Onomastičeskoe pole russkogo ŗyka i ego hudožestvenno-êstetičeskij potencial* [Avtoreferat. d-ra filol. nauk]. Volgograd.
- Temirgazina, Z., & Ibraeva, Ź. (2021). Nablûdatel’ v poëticeskom narrative (na primere stihotvorenij P. Vasil’eva). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologijâ*, 72, 290–307. <https://doi.org/10.17223/19986645/72/16>
- Temirgazina, Z.K., & Źakupova, G.K. (2021). Garmonijâ i disgarmonijâ: Akustičeskaâ oppozicijâ v rannej lirike Aleksandra Bloka. *Vestnik RUDN. Seriâ Teoriâ ŗyka. Semiotika. Semantika*, 12(1), 137–152. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-137-152>

- Temirgazina, Z., Akosheva, M., Yrysgul, S., Shahrman, A., Kurmanova, Z., & Kairova, M. (2019). Metaphors in Anatomical Terminology. *Space and Culture. India*, 7(1), 143–153. <https://doi.org/10.20896/saci.v7i1.528>
- Temirgazina, Z., Albekova, A., & Kurmanova, Z. (2021). One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh Language in Comparison with Russian and English. *Przełqd Wschodnioeuropejski*, 12(2), 459–475. <https://doi.org/10.31648/pw.6892>
- Vasil'ev, P.N. (2002). *Sočineniâ. Pis'ma*. Moskva: Èllis Lak. http://rulibs.com/ru_zar/poetry/vasil'ev/4/j0.html
- Vinogradov, V.V. (1954). Âzyk hudožestvennogo proizvedeniâ. *Voprosy âzykoznanîâ*, 5, 3–26.
- Zinin, S.I. (1970). *Vvedenie v poëtičeskuû onomastiku*. Moskva.
- Zubkova, L.I. (2008). Kul'turogenyj potencial precedentnyh imen i familij russskoj kul'tury (po proizvedeniâm „derevenskoj” prozy vtoroj poloviny XX v.). *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriâ: Gumanitarnye nauki*, 1, 171–177.

SUMMARY

ANTHROPONYMS IN THE POETRY OF PAVEL VASILIEV: FROM AN IDENTIFYING FUNCTION TO AN ARTISTIC AND STYLISTIC ONE

Anthroponyms are conceptually and aesthetically significant elements of the idiosyncrasy of Pavel Nikolaevich Vasiliev, a Russian Soviet poet. The onyms that function in poetic texts perform, in addition to identifying, an artistic and stylistic role, i.e. become poetonyms. We offer a typology of onyms based on the correlation of the name with the referent, objective reality and the author. The first type includes anthroponyms, the referent of which is real persons, chronologically relevant for the author — relatives, friends, acquaintances. The second type includes onyms, the referent of which are real-life persons, chronologically separated from the author, but relevant in his poetic world picture. Onyms of the third and fourth type have a fictitious referent, these are the names of characters in fiction, folklore, or the names of characters in the works of the author. The artistic and stylistic function in the poetic texts of P. Vasiliev is most characteristic of anthroponyms of the second and third types. They function as allusive-precedent names based on associations with a certain cultural text and on the symbolic interpretation of the onym. It is these types of anthroponyms that can be qualified as poetonyms that perform in a literary text, in addition to identification, a stylistic, characterizing function. This is due to the diachronic remoteness of the onym from the author, the long “life” of the onym in culture allows it to acquire different meanings. Anthroponyms of the first and fourth types mainly perform the function of identification, the artistic and stylistic function in them is most often limited to character typing. Among the names of the characters in Vasiliev's texts, there are Kazakh names, which reflects the transcultural nature of his poetry as part of the literature of the Kazakh-Russian borderlands.

Keywords: anthroponym, artistic and stylistic function, Pavel Vasiliev, poetonym, idiosyncrasy